

от ...
4 МАЯ 1954

ТЕАТР

Новые спектакли енакиевского театра

Енакиевский русский драматический театр имени Пушкина всегда проявлял творческую смелость в выборе репертуара. Впервые в Донбассе он поставил такую сложную пьесу, как «Лая Вая» Чехова. Ежегодно репертуар театра пополняется новым горьковским спектаклем.

В выборе произведений современных советских драматургов енакиевцы не ориентируются на то, приняты или не приняты эти пьесы к постановке в других театрах. Так, не ожидая апробирования пьесы Ю. Курганова «Гомоль-Атом», театр в сотрудничестве с драматургом создал боевой, политически острый спектакль, разоблачающий происки американских империалистов.

Одним из первых на Украине театр имени Пушкина поставил и новую драму Павла Шеглова «Лес дремучий». К этой пьесе, повествующей о важном историческом этапе, пройденном нашей страной под руководством Коммунистической партии — о коллективизации сельского хозяйства, театр привлекли высокие плеинно-художественные достоинства драмы.

П. Шеглов написал свою пьесу в горьковских традициях: на примере распая одной кулацкой семьи автор показывает историческую неизбежность гибели целого класса. Драматург не рисует широкой картины социальной борьбы тридцатых годов, но дает почувствовать ее в полной мере, вводя зрителя в дом кулака Струнина.

Дом Струниных — это темное кулацкое гнездо, где царят лживые, звериные, хищнические нравы. Ради золота брат обворовывает сестру, ради золота отец убивает сына, стяжательство и жестокость — закон этого мрачного мира.

Постановщик — главный режиссер театра А. Баранов нашел правильное решение этого спектакля не через арте режиссерские находки и детали, а через углубленную работу с актерами. Вот почему живые, реальные жизненные образы пьесы получили в театре имени Пушкина хорошее художественное воплощение.

Глава семьи Павел Струнин, каким его рисует артист С. Рогинский, — жестокий, мрачный мироед. Злыми, ненавидящими глазами смотрит он на все новое, появляющееся в деревне, — и на слабое еще колхозное хозяйство, и на представителей Советской власти. Хмурым неверчивым взглядом окидывает он и родного сына рабочего Семена, приехавшего из города в гости к родителям. Каков он теперь, Семен? Может, и его нужно опасаться, маскировать? Вот и хитит сельский богач Павел Струнин в ситцевой рубашке, да везит невестке поносить скатерти и половники — чтоб людям в глаза не бросалось его богатство.

Но вот Струнин узнает, что его будут раскулачивать, что хозяйство его ликвидировать. С искаженным лицом, с перекосенным взглядом швыряет он ключи от своего дома деревенскому дурачку Савушке. С. Рогинский глубоко передает прилив бешенства, захлестнувший все существо этого матерого зверя.

И все же, если в дикой натуре главы семьи есть еще какая-то спала характера, то его сын Алексей в трактовке режиссера А. Баранова и исполнении артиста Н. Зайцева — воплощение мелкой бесильной злобы. Его-то и используют враги, чтобы нанести урон колхозному строю, подговаривают его резать скотину, заставляя поджечь народный лес.

И если Павел понимает, что пожар не только уничтожит несколько десятин леса, но и окончательно разоблачит звериный облик кулаков, сожмет их последнюю опору, а колхозы «от этого только здоровее станут», то Алексей всего этого увидеть не может — он ослеплен страхом.

Н. Зайцев хорошо передает состояние обезумевшего от страха Алексея в 4-й картине. Он мечется, как затравленный зверь. Душит своего столетнего деда (роль которого исполняет артист М. Рогозов), дается по полу в смертельной схватке

с отцом. Но побеждает более сильный хищник — ударом кирпича по голове отец убивает сына.

Радуят и другие актерские удачи. Талантливая артистка Т. Жукова показала мягкую душу Татьяны, дочери Павла, ее стремление вырваться из темного дремучего струнинского «деса», где она «запуталась» среди зверей. На хорошем уровне ведут свои роли Р. Коненко (Варвара) и П. Проскуров (Липатов).

Но есть в этом удачном спектакле недоработки, объясняющиеся, главным образом, неправильной трактовкой отдельных ролей.

Явно неверно решен режиссером и артисткой А. Павловой образ Устиньи, старшей дочери Струниных. Каждое появление Устиньи на сцене зрители встречают дружным хохотом. А такой ли она должна быть? Вель это такая же мрачная фигура, как и ее отец Павел или брат Алексей. Ей так же несвойственны родственные чувства, как и всем остальным Струниным. Вспомним, как Устинья пытается «заесть» протать родному отцу телушку, которую никто не покупает. Деньгами и властью она так поработила своего мужа Павла, что он превратился в бездумное бессловесное существо.

Устинья — неотъемлемая часть тупого хищнического мира с его волчьими законами, и превращение ее в комическую фигуру совершенно неоправдано.

Нечетко режиссерской трактовки ощущается и в образах Елены, Савушки, Семена. Слабая обрисовка Семена (артист Л. Корнев) сказывается на общем звучании спектакля. Вель Семен — сознательный рабочий, единственный в пьесе представитель нового мира, который резко противопоставлен «дремучему лесу» Струниных.

В этом ансамблевом спектакле, где большинство образов глубоко продумано режиссером и тонко воплощено актерами, каждая диссонирующая нота режет слух, каждая недоработка бросается в глаза. И чем активнее театр возьмется за их исправление, тем значительнее будет сценическое произведение, созданное им.

Заслуженным успехом у зрителей пользуется еще один новый спектакль совсем иного жанра — вольный-обзорение В. Дызовичного и М. Слободского «Где эта улица? Где этот дом?».

Особенностью этого спектакля является то, что зритель становится его непосредственным участником. Он активно включается в действие и вместе с меняющимся квартиром шофером Березкиным как бы совершает экскурсию по Москве, знакомится с различными людьми, с их достоинствами и недостатками.

Перед нами проходит целая галерея сатирических портретов — горе-строитель Петухов, который «не справляется с неруководящей работой», спекулянтка-квартирообменщица, предлагающая комнату с личным балконом и всеми стенами, выходящими на юг; халтурщики-храмозелы Кляев и Векрин, мастерящие пьесу «об ускорении оборачиваемости оборотных средств», и другие. Зрители горячо реагируют на эти подлинно сатирические эпизоды спектакля.

За положительными героями, настоящими советскими людьми — старыми рабочими Зерновым и Блямчуком, которые никак не могут узнать друг друга, за председателем колхоза Марией Степановной, принимающей постороннего человека за жену своей дочери, — зритель следит с теплотой, радушной, доброжелательной улыбкой.

Заслуженный артист Туркменской ССР М. Амитов поставил спектакль с хорошей режиссерской выдумкой и изобретательностью. Ряд картин, слабо написанных у драматургов («Пролог», «Доса объявлений») получали в спектакле удачное сценическое решение.

Спектакль интересен тем, что все его участники (за исключением Березкина и Галочки) исполняют по несколько ролей и в то же время являются ведущими — свое-

образным коллективным конференсье. Это потребовало от актеров мастерства перевоплощения, искусства трансформации.

Семь ролей исполняет в спектакле заслуженный артист Туркменской ССР А. Плетнев. Но в каждой из них — будь это старый чулковатый профессор Михайлов или темпераментный танцор в «каскино-скоростном дуэте», мы видим новый типический характер.

Подлинного сатирического заострения образа достигает А. Плетнев в роли деаги-строителя Петухова, который не в состоянии жить в доме, строительством которого руководил он сам. Стены, полы, потолки этого дома настолько тонки и звукопроницаемы, что слышны даже шепот в соседних квартирах. И во всем удобствах — центральному газу, центральному отоплению и т. д. прибавляется еще «центральная критика» соседей, ежеминутно обрушивающаяся на халтурщика-строителя.

На короткое время появляется на сцене профессиональная обменщица квартир — артистка А. Штейнберг. Но зритель надолго запоминает ее «обмеряющие комнату шаги, бесперомонные манеры, гнусавый голос».

Талантливо проводит артист Л. Бессарабов роль честного советского труженика Блямчука. В нем много тепла, задора, народного юмора.

Говоря об актерских удачах, следует отметить очень искреннюю, обаятельную Галочку (артистка М. Малкова), разумную, напоистую Марию Степановну (артистка М. Семена), самоуспокоившегося переювика — шофера Березкина (артист М. Нестеренко).

Жаль, что в ряде картин театру не удалось восполнить недостатки драматургического текста — в «Кольбальной», «Весеннем вальсе», в вариантах примпре-ния Галочки и Березкина.

Но есть и такие эпизоды, в которых авторы дали замечательный материал для сатиры, но театр его не использовал. Без всякого замысла, без определенного сатирического «придела» идет картина «Но это только сон».

Здесь следовало в тонкой пародийной форме высмеять писателей-храмозелов, настроивших на один и тот же сюжет «из жизни экономии горячего» и пьесу, и оперное либретто, и оперетту, и астрадное представление, и цирковое антре; такому же осмеянию должны были подвергнуться в спектакле и халтурщики-артисты, выдающие всю эту дребедень за настоящее искусство.

Но театр не нашел точных и законных выразительных средств, чтобы нанести удар по главному. Ни конференсье (артист А. Висилицкий), ни исполнительные лирического дуэта артисты Р. Волинеп и А. Плетнев, ни участники финала астрадного выступления явно не представляют себе, на что направить оружие смеха, на чем сосредоточить внимание зрителей. Неудачные костюмы, отсбятая, размыленные на посторонние детали только ослабляют силу удара. В том, что на сцене вместо тонкой пародии получился примитивный шарж, вместо острой сатиры — поверхностная карикатура, повинен, прежде всего, режиссер спектакля.

Хорошую, жизнедающую, мелодичную музыку написал для вольеви «Где эта улица?...» композитор В. Мокроусов. Но небольшой оркестр, созданный специально для этого спектакля (своего оркестра театр не имеет), звучит вяло и еще не совсем слаженно.

Эти недостатки снижают, конечно, звуковые спектакля, но все же смотрится он с большим интересом.

Произведения такого жанра — не очень частый гость на сценах драматических театров. А жаль! Меткие, хлесткие, остроумные сценки и эпизоды, из которых состоит вольеви-обзорение, выполняют свою художественную и воспитательную функцию не хуже, чем обычная «большая» сатирическая комедия.

Г. КОСТИНСКАЯ.